

Abstract. Using the lexeme ‘yazyk’ as an example, the possibilities of the Russian National Corpus for studying the degree of reproducibility and variability of phraseological units and paremias containing a certain component, taking into account all its possible grammatical forms, are shown. Particular emphasis is placed on the potential of using the N-gram search tool, including for identifying free phrases that are homonymous with set expressions.

Keywords: The Russian National Corpus, corpus data search options, N-grams tool, phraseological units with a component ‘yazyk’, proverbs with a component ‘yazyk’.

УДК 811.161.1’373.2:398.91

А. В. Савченко, М. С. Хмелевский

«В ОГОРОДЕ БУЗИНА, А В КИЕВЕ ДЯДЬКА»: ЯЗЫКОВАЯ ИГРА ИЛИ ПОГОВОРКА?

Аннотация. В статье рассматривается образная основа и структура выражения *В огороде бузина, а в Киеве дядька*, которое обычно воспринимается носителями русского языка как каламбур, или оксюморон. При этом для него остается затемненной как образно-понятийная, метафорическая, а также структурно-семантическая семантика данной фразы. Вместе с тем, обращение к украинскому фольклору проясняет образность и внутренний смысл этого выражения.

Ключевые слова: паремиология, фразеология, русский язык, украинский язык, славянский фольклор.

Для носителя русского языка не составит труда объяснить значение расхожего и частотного по своему употреблению в разговорной речи выражения *В огороде бузина, а в Киеве дядька*. Так, в словаре М. И. Михельсона о значении данной фразы сказано, что она «говорится в виде намека на несообразность и нелогичность сделанного кем-нибудь вывода» [1, с. 193]. В Толковом словаре русского языка она трактуется следующим образом: «О том, что не имеет никакого отношения к чему-нибудь» и имеет помету «разг., шутл.» [2, с. 62]. Исчерпывающая по смыслу дефиниция дана в Словаре русских пословиц и поговорок: «О полной бессмыслице, чепухе, нелогичности чьих-л. рассуждений» [3, с. 59]; в прочих источниках даются во многом схожие трактовки. Именно в таком значении употребляется это выражение в современном русском языке, при этом нередко оно даже самими носителями языка воспринимается как алогизм. Стоит отметить и еще один любопытный момент: нередко эту фразу в соответствующей коммуникативной ситуации используют некорректно, пытаясь выразить мысль о том, что у собеседников нет общей темы – в действительности они говорят о разных вещах, т. е. когда во время беседы один говорит об одном, а второй, не слушая его, – совершенно о другом, хотя в подобном случае уместнее другая поговорка: *ему про Фому, а он про Ерему* или в аналогичной функции – *кто в лес, кто по дрова*.

Но таким ли «безобидным» по своей сути, происхождению и семантике внутреннего образа является данное выражение, воспринимаемое обычно как простой каламбур, нелепица, если обратиться к его глубинному смыслу и исходной образности? Попытаемся разобраться, насколько данная фраза является оксюмороном или каламбуром, чем она как раз и кажется на первый взгляд, и что на самом деле скрывается под этим, на первый взгляд, понятным в целом алогизмом.

Прежде всего, возникают следующие вопросы: почему в этой фразе употребляется именно топоним Киев, а не любой другой город восточнославянского ареала? Почему именно бузина, а не иной фитоним? Почему бузина растет в огороде, если это сорняковое растение, которому здесь не место? И кто же на самом деле этот «киевский дядька»? Ответы на эти вопросы следует искать в совокупности ассоциативных рядов, кроющихся за этими образами и историей их возникновения в древнем славянском со-

знании, древних славянских верованиях и мифологии. Рассмотрим исконные ассоциативные и лингвокультурологические значения всех четырех компонентов этой фразы (*бузина – дядька – огород – Киев*), чтобы выявить глубинную основу его метафорического образа и вместе с тем обосновать высказанное нами утверждение о том, что на самом деле рассматриваемое выражение не является просто речевым каламбуром, а содержит в себе важную культурологическую информацию, древние фольклорные представления и коды мировосприятия восточных славян.

1. **Бузина.** Местом обильного произрастания бузины – кустарника с несъедобными черными или красными ягодами – является юг Восточной Славии, т. е. южные районы России и Украина. Если для большинства русских бузина часто ассоциируется с рассматриваемым в статье выражением, то для украинца образ и метафорический ряд, связанный с этим растением, далеко не так однозначен.

Следует также отметить, что в народных представлениях (преимущественно в западнославянском и западноукраинском ареале) бузина («дерево смерти») – это демонический локус, воплощение и вместилище черта, а ее плоды в народе называют «ведьмовскими ягодами», отсюда и широкое применение этого растения в магии, оберегах, гаданиях, народной медицине, тогда как у русских соответствующие представления и обрядовые функции связаны с осиной, вербой и другими деревьями [4, с. 189]. В Западной Украине хорошо известны мифологические поверья о лесных духах, обитающих в зарослях бузины, или об упырях, превращающихся в куст бузины. На территории различных регионов Украины широко известны обращенные к бузине заговоры от напасти; из бузины делали обереги для защиты людей и хозяйства от ведьм, поскольку издревле считалось и в украинских селах до сих пор живут такие поверья, что под бузиной и в ее корнях живет дух, демоническое существо (черт, бес и др.), что бузину «насадил черт» и теперь постоянно живет под ней [Там же, с. 191–194]. Таким образом, в украинской мифологии существует довольно много поверий о том, что бузину посадил именно черт и он постоянно сидит под ней, а также нередко акцентируется внимание на том, что именно поэтому бузину нельзя даже трогать или выкапывать. Все это, в свою очередь, является основой для целого ряда украинских примет, связанных с образом бузины: «чтобы не раздражать черта», «к болезни, к горю, несчастью», веткой бузины нельзя погонять скотину, так как ее ждет смерть; бузина одновременно воспринималась как растение, связанное с «нижним миром», ее сажали на могилах, а ветви бузины носили на так называемую Вальпургиеву ночь [5, с. 214]. В украинских сказках душа убитого брата превращается в дудку из бузины, которая поет о его невинной смерти, что отсылает нас к легенде о том, что Иуда якобы повесился на бузине, отчего ее листья издают трупный запах, а в ряде украинских заговоров, обращенных к бузине, различие между растением и воплощением нечисти в нем стираются [6, с. 268]. Все вышперечисленные поверья этнографы фиксировали еще в XIX–XX вв. на территории юго-западных регионов Украины, они до сих пор бытуют во многих районах Карпат и Прикарпатья, сравн.: 1) бузина (укр., диал. *боз, бзина*) приносит несчастье, болезни, горе: *Боз... ранче старі люди казали: не руи, бо може пошкодити; Там, де боз ріс, там навіть не дали його ламати, казали, що можна навіть з ліжка не встати; Бзина, як росте, то її можна зрубати лиш в четвер Великодній; Там, де боз ріс, там не вільно хату ставити, на нім людина не повинна жити;* 2) место, где растет бузина, связывалось с разными демонологическими персонажами: *На землі є місця, де перебуває чорт, на тих місцях росте звичайно бзина; Де бзина, там не можна будувати, бо там чорт заведений; Крім бзини гіршого дерева нема; Де бзина, там будувати не можна, бо там злий сидит, бузину не можна виривати з корінням, бо там диво сидить, що подвіє – нашла параліч (диво – т. е. 'черт' [7, с. 41]), а также: На бзині не будували, бо там сидит дідько [8, с. 140].*

2. **Дядька.** Последний пример из материалов архива Львовского национального университета, который приводит в своей работе Р. Силецкий, логично требует рассмот-

рения следующего компонента анализируемого выражения – «дядька», который, несомненно, является русифицированной формой украинской лексемы *дідко* – «то же, что и черт, бес: сравн. укр. *Йй прийшли на думку чорні рогаті дідьки; як той дідько боїться ладану*. Эта лексема в украинском языке также употребляется в таких фразеологических сочетаниях, как: *дідько знає; сам дідько не знає* – в значении ‘черт знает; сам черт не знает’; *дідька лисого* – ‘черта лысого’, *дідко приніс* – ‘черт принес’, *якого дідька?* – ‘какого черта?’ и т. п. [9, т. 2, с. 300]. Таким образом, компонент *дядька* (а также *лисий дідько*) – это далеко не некий «дядька», который в возникающем благодаря омонимии русском «каламбуре» воспринимается как чей-то родственник, – а это черт, дьявол, бес, нечисть. По сведениям этнографа С. Рокосовской, «на Волыни и Прикарпатье повсюду верят, что в кустах бузины водится черт, а на Гуцульщине говорят, что *де бзина росте, там дїтько сидит*» [8, с. 143]. Более того, исследователь региона Прикарпатья И. Огиенко фиксирует такой эвфемизм-демонизм, как *бузичний: Бузина небезпечна рослина, бо в нїй сидить бузичний*, а для самой бузины – *Дідькове дерево: Він, бузичний, його купи, то його купи, бузина це їго дерево, дідькове дерево* [Там же, с. 144].

3. **Огород (огороженное межами место).** Бузина – это еще и ассоциативная привязка к таким понятиям, как «межа, граница», т. е. граница огорода, она растет в тех местах, где он заканчивается, так как это не пригодное в хозяйстве растение, к тому же тесно связанное с вышеупомянутыми народными ассоциациями: *Йй тїльки на межах садили; Бузину, що росла на межі чи біля поля, а особливо на городі, не викорчовували, бо цим можна було викликати в сїм'ї хвороби, а навіть і смерть; На межах між сусїдами були бзини, бо в нас кажуть, що там сидить нечиста сила, в бзині...* [10, с. 49–50]. Эти и подобные этнографические записи из украинского Подолья и Прикарпатья иллюстративно объясняют нам смысл совсем не алогизма, а народного верования, – почему именно «бузина – в огороде», и даже – почему именно в огороде, а не, например, в поле, овраге, на лугу, где она обычно произрастает, – сравн. укр. *на городі бузина*; появление бузины (т. е. сорняка) в огороде – это плохая примета, и выкорчевывать ее – это «разозлить черта» [8, с. 144].

4. **Киев.** В анализируемой нами фразе далеко не случайно фигурирует топоним Киев. Традиционным сюжетом в устном народном творчестве является шабаш ведьм на киевской Лысой горе, которых, по преданиям, существует четыре: Лысая гора расположена на правом берегу реки Лыбеди, в месте ее впадения в Днепр, вторая – в центре Киева, на Подоле, который в народе назывался «Чертово беремеще», т. е. овраг, или яр; третья – на левом берегу Днепра, киевляне до сих пор помнят это место как «Чертора», а четвертая – это холм Щекавица, рядом с которым у одноименной возвышенности протекает ручей Юрковица, а также место, где располагался древний «добатыевский» могильник стольного града Киевской Руси. «Ведьма известна, я думаю, всякому, хотя она и водится, собственно, на Украине, а Лысая гора под Киевом служит сборищем всех ведьм, кой тут по ночам отправляют свой шабаш...», – писал В. Даль [11, с. 96]. Этим объясняется употребление топонима Киев в анализируемом нами выражении, а именно из-за Лысой горы (Голосиевский район), которая, по преданиям, также называлась Девич-гора (сравн. литовск. *dievas*, лат. *dievs* – ‘бог’, т. е. ‘потусторонняя сила’, но с разными коннотациями в украинском и балтийских языках) – древний ритуальный холм, где боги метали свои молнии в места, где по преданиям водится нечистая сила, и эта возвышенность напоминает плешь, или лысину, откуда и пошло ее название [12, с. 84]. Таким образом, Киев, а именно – Лысая гора, или Девич-гора, или же Чертово беремеще стало прообразом места, где обитает нечисть.

Рассмотрев ассоциативно-культурологический и фольклорно-лингвистический фон компонентов анализируемой нами фразы, обратимся непосредственно к модели, по которой она построена. Русский языковой материал не дает нам аналогичных конструкций для сопоставления и объяснения ее структуры, тогда как богатый материал

украинского устного народного творчества предоставляет нам все основания соотнести это выражение с украинской приметой, которая послужила толчком для возникновения этого выражения, а также дает возможность сравнить с пословичными моделями, бытующими в украинском фольклоре, а именно – примета предупреждения об опасности: «если в огороде выросло / появилось *что*, то жди *чего-то*»: например, *якщо на городі зав'яло – чекай біди*. Приведем примеры из украинского фольклора для иллюстрации устойчивости данной пословичной формулы: укр. нар. песни: *На городі чорна редька, Любить, мамо, мене Петька, Ой любить... Ой, мамо, що буде, як він мене не візьме* (редька на огороде – предчувствие беды); *На городі рясна верба, Там стояла дівка красна, Хороша та вродлива, Її доля нещаслива – Нема того, що любила*; или: *На вгороді калинонька, на обніжку бузина, Чоловік мій у дорозі, десь поїхав, та й нема*; *На городі біля хати бузина, Тільки вечір упаде, Виглядає сина мати Из війни, а син не йде* – о плохом предчувствии. Далее отметим еще ряд аналогичных примеров, иллюстрирующих модель украинской приметы: *На городі буркун* (лекарственное растение) *ягідок не родить, А кум до куми що вечера ходить* – в значении ‘несмотря на опасность, делать что-то’; *На вгороді будяк* (русс. чертополох), *полюбив мене дяк, Купив мені черевички, закаблучки-то реплять* – «к несчастью» и многие другие им подобные фольклоризмы.

Итак, исходя из проведенного анализа, как первоначально кажется, непринужденного шутливо-ироничного алогизма-каламбура «об огороде, бузине и дядьке», можно сделать вывод о глубоком заложенном в нем смысле, который своими корнями уходит в мифологию, фольклор и древнее мировоззрение восточных славян времен Киевской Руси, объяснить который помогает украинский языковой и лингвокультурологический материал. Этот и подобные обороты, созданные на фольклорной образно-понятийной, метафорической основе, производящей основой которых послужили поговорки и пословицы языка, фиксирующие прескрипции народной мудрости [13, с. 16], обладают высокой культурно-национальной значимостью, сохраняют в себе важные элементы культурного кода нации. Поэтому воспринимаемая в современном языковом сознании фраза, на первый взгляд кажущаяся простым каламбуром (как в нашем случае), при ее более пристальном филологическом анализе может заключать в себе намного больше лингвокультурологической информации, чем простой алогизм, в котором обнаруживается своеобразная «пословичная примета», ведущая нас в глубь восточнославянской мифологии, которую можно истолковать как предостережение об опасности, плохое предзнаменование: «если в огороде выросла бузина – жди черта с киевской Лысой горы».

Приведенный нами языковой материал, несомненно, позволяет сделать вывод об украинских корнях анализируемого в статье русского выражения, которое, согласно результатам нашего исследования, ни с культурно-исторической, ни даже с чисто лингвистической точек зрения не является ни каламбуром, ни оксюмороном и т. п. лексическим единицам, а имеет намного более глубинный смысл, уходящий корнями в дохристианскую эпоху Восточной Славии.

Список использованных источников

1. Михельсон, М. И. Большой толково-фразеологический словарь русского языка / М. И. Михельсон. – М. : ЭТС, 2005. – 2208 с.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 2000. – 944 с.
3. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1991. – 534 с.
4. Белякова, Г. С. Славянская мифология / Г. С. Белякова. – М. : Просвещение, 1995. – 239 с.
5. Войтович, В. М. Українська міфологія / В. М. Войтович. – К. : Либідь, 2012. – 664 с.
6. Агапкина, Т. А. Бузина / Т. А. Агапкина, В. В. Усачева // Славянские древности : этнолингвистический словарь. Т. 1 ; под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : «Международные отношения», 1995. – С. 267–270.

7. Седакова, И. А. Дед / И. А. Седакова // Славянские древности : этнолингвистический словарь. Т. 2 ; под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : «Международные отношения», 1995. – С. 41.
8. Сілецький, Р. Бузина в народних демонологічних повір'ях українців / Р. Сілецький // Наукові зошити історичного факультету Львівського університету. – Вип. 16. – Львів : ЛДУ ім. І. Франка. – С. 140–150.
9. Словник української мови в 11 томах. – К. : Наукова думка, 1977. – Т. 2. – 300 с.
10. Кузьминська, Б. Межа в традиційних демонологічних уявленнях опілян / Б. Кузьминська // Народознавчі зошити. – № 1–2. – Львів : ЛДУ, 2006. – С. 47–54.
11. Даль, В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа / В. И. Даль. – М. : Аргументы недели, 2016. – 208 с.
12. Ляшенко, В. А. Мистическая история и топография Киева. Сборник очерков / В. А. Ляшенко. – К. : «Випоп», 2012. – 144 с.
13. Давлетбаева, Д. Н. Фразеологический неологизм vs окказиональный вариант языковой ФЕ vs языковой фразеологизм / Д. Н. Давлетбаева // Известия ВПУ. № 6 (70). – Волгоград : ВГПУ, 2012. – С. 16–19.

Abstract. The article discusses the figurative basis and structure of the expression *В огороде бузина, а в Киеве дядька* (Literal: *Elderberry is in the kitchen-garden, and the uncle is in Kiev*), which is usually perceived by native speakers of the Russian language as a pun, or wordplay. At the same time, both the figurative-conceptual, metaphorical, and structural-semantic model of this phrase remains obscured for them. At the same time, an appeal to Ukrainian folklore, as well as to the linguistic and historical and culturological sources, clarifies both the imagery and structural model of this expression, and its conceptual content, which together turns out to be closely connected with mythology, ancient beliefs, superstitions and way of thinking of Eastern Slavs.

Keywords: paremiology, phraseology, Russian language, Ukrainian language, Slavic Folklore.

УДК 811.161.1'373.7

А. Н. Столярова

ОБ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ВАРИАТИВНОСТИ НЕОФРАЗЕМ

Аннотация. На материале, отобранном из современных медиатекстов, анализируется употребление неофраземы *переобуться в воздухе* и ее вариантов. Рассматриваются возможности вариативности для повышения коммуникативно-прагматического потенциала текстов и реализации авторских интенций.

Ключевые слова: (нео)фразема, прагматический потенциал, интенциональность, фразеологический вариант, вариативность, коннотации.

Исследование выполнено в рамках НИР «Ключавыя ідэнтыфікатары беларускай лінгвакультуры і іншакультурныя моўныя феномены ва ўмовах выклікаў глабалізацыі і інфармацыйна-лічбавай эпохі», входящей в задание «Беларуская мова: этналінгвістычны, сацыялінгвістычны і лінгвакультуралагічны аспекты даследавання» падпраграмы «Беларуская мова і літаратура» Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» на 2021–2025 гг.

Создавая образ той или иной ситуации, фраземы представляют собой выразительные средства, способствующие более глубокому восприятию описываемой ситуации. Будучи единицами косвенной номинации, они не только воссоздают образ ситуации, легшей в основу фразеологизма, но и актуализируют дополнительные значения, коннотации, связанные с переосмыслением ситуации-прототипа в субъективном сознании автора и усиленные осознанной интенцией, направленной на воздействие на адресата. Субъективное и объективное в прагматическом использовании фразем неразрывно связаны. Выбирая определенную объективно существующую или воображаемую ситуа-